

Масштаб

„МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ“.

(Вчера въ Художественномъ театрѣ)

Къ полнѣй большаго интереса реставраціямъ Грибоздовъ и Гоголя Художественный театръ прибавилъ вчера реставрацію Тургеневъ—реставрацію еще болѣе старинную, выполненную съ чрезвычайною вѣрностью тургеневскому стилю, съ благородными тонкостями вкуса и свободною отъ тѣхъ увлеченій крайности, которыми раньше такъ грѣшили этого рода постановки.

Одинаково хороши внѣшняя обстановка, декоръ въ прекрасныхъ декорацияхъ г. Добужинскаго, и самый строй исполненія въ его дѣлѣ. Кажется, главнымъ руководителемъ спектакля было г. Москвитинъ. Можно только рукоплескать этому его режиссерскому созданію.

Въ исполненіи отдѣльных ролей были и недостатки. Ношій всего въ игрѣ г-жи Киннертъ, выходящей въ сценѣ, но нѣко сдержанности чувствомъ, не вызывавшимъ отвѣтнаго волея въ зрителяхъ.

Умалши въ своемъ содержаніи Шингельскій г. Грибушинъ. И не давая нѣсколько большаго впечатлѣнія Нѣрочка г-жи Коренькой въ главной сценѣ четвертаго акта. Зато все отсталая Нѣрочка, особенно въ третей актѣ, полна искренности, новосты, дѣтской любви. На сцену умалши Бѣленецъ, начинающему актеру г. Болеславскому. Онъ пѣвалъ рѣдкой прелестью и захватывалъ прелестью. Большаго интереса, тонкости и благородства рисунокъ Распутина у г. Станиславскаго. И большаго внутренняго переживанія при чрезвычайной сдержанности въ вѣрности приключеніямъ.

На афишномъ тѣнѣ была скука. Въ Художественномъ театрѣ поменьше отыски изощреннаго, но, судя по тѣнѣ въ антрактахъ, спектакль вошелъ у насъ своей критикой и поэзіей.

„МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ“.

Какой хорошій спектакль. Какъ дѣло обласканнымъ отлучить отъ своихъ зрителей, о богатѣхъ заломъ сѣвѣхъ и радости впечатлѣній.

Говорятъ, Тургеневъ не сдѣлалъ. И самъ онъ не признавалъ въ себѣ драматическому таланту, писалъ объ этомъ въ предисловіи къ тому своему пьесѣ. Да, дамо посредственныи талантъ драматургии мнѣ въ совершеніи обработать механизмы „Мѣсяца въ деревнѣ“, выпуклые и, высти, экономнѣе передать его „дѣйствіе“, картину и расчетъ жизни ипользовать эффекты положеній. Тамъ, гдѣ въ актѣ такъ и выплываетъ точка, Тургеневъ ставилъ запятую. Нужно бы дать заварѣсь, актъ достигъ высшаго своего напряженія. Тургеневъ дѣлалъ его, и сама впечатлѣнія катились внизъ, раскидывается въ совершенно неуловимой. Какъ было, для примѣра, не кончать 4-й актъ сценой Натальи Петровны съ Бѣленецкимъ? Но еще приходится Распутинъ, потомъ Исаевъ съ докторомъ. Какъ было дать Шингельскому такой длинный и такой скупой расказъ пш. дажно-то пощипывать долку,—и все лишь для того, чтобы Наталья Петровна было въ чему приспособить свои слова о томъ, что смозно любить довлѣхъ... И т. д. и т. д. Завѣтъ думать и не сказать правду? Даже при образцовомъ исполненіи и постановкѣ нискода интересъ къ тому, что на сценѣ, падаетъ, вниманіе раскидывается, отвлеченность гдохнетъ. И входить тяжелою пошлостью скука. Немало. Олитъ чувствовашъ себя приключеніемъ и увлеченіемъ, до новаго прихода равнодушія и скуки...

И все-таки, давалъ въ вѣрнѣ Тургеневъ въ своемъ пониманіи себя драматургомъ, въ его изсказѣ, и большаго вѣсто—въ „Мѣсяцѣ“ въ деревнѣ—заключены громаднѣйшіе омыслы и драмы, и вообще, поэзія. Мастерская страшила актъ, авторъ живской души—Наталья Петровна. Въ вѣлскал, эту страшицу, громадный художникъ-психологъ, который остался имъ и тогда, когда свою родную стихію-поэзію прокинулъ на тѣсную для него, неудобную, непослушную ему форму драмы. И иногда „дѣйствіе“ развивается, хоть и не стремительно, въ мованнѣхъ звенѣхъ, но съ громадною вѣрностью душевной правдѣ. И оснѣмъ громадный приключательность, ничего не растерявшаго за полѣтка („Мѣсяцъ въ деревнѣ“ написанъ въ 1850 г.), образы Исаевой и Нѣрочки, этого себѣрнѣятаго ладѣша, выросшаго въ тѣни стараго дворянскаго дѣла. А главное, такъ очаровательно передала вся атмосфера дворянскаго гнѣзда, вся его поэзія, ужимавшаяся съ ужасомъ крайности.

И когда Художественный театръ развернулъ, на фонѣ отличныхъ декораций Добужинскаго, картину этой жизни, текстуалъ въ нашъ чувства въ эту тихую поэзію, выхлѣвъ въ лицо ея плѣнитель-

вом свѣжести, — мы сидѣли зачарованные, въ свѣтлой радости свѣтлаго искусства. По выдержанности характера произведенія, по благородной простотѣ и тонкому вкусу его сценическаго воззрѣнія, по освобожденности отъ всякихъ чревоутоетей и загроможденностей, поистѣдил постановка — лучшая въ этомъ театрѣ и знаменуетъ движение впередъ, воо дальнѣе отъ раннихъ заблужденій молодого театра.

Не только въ обстановкѣ, вообще во внѣшнемъ — это простота и благородство. Они — и во внутреннемъ, въ самомъ стилѣ исполненія, въ общеніи его складѣ и тонѣ. Были тургеневскіе персонажи, родные братья и сестры героев, в героичннхъ его романахъ и повѣстей. И говорили на тургеневскій ладъ. Были облечены въ тургеневскую красоту. И такъ были сложны общій строй, что даже тамъ, гдѣ отдѣльные элементы спектакля мало удовлетворяли, готовы были, или пріемомъ игры, или недостаткомъ прочувствованности, сломать настроеніе и стиль, — отъ, этотъ общій строй, добрый, конечно, пропадавшіи художественными усилиями, брать верхъ, заслонять недочеты и спасать цѣлое.

Если разложить исполненіе бы его составные элементы, первое лицо по осознанности съ цѣльми, по вѣрности общему стилю и Тургеневу, по благородству и высокой простотѣ игры принадлежатъ Ракитину г. Станиславскаго.

Я оспариваю мнѣніе, что въ немъ есть сухость, что это не расстроивало. Тутъ есть своя правда. Но посмотрѣли немногіе въ эту правду. «Сухость» — отъ двухъ причинъ. Вы думаете, — Ракитинъ зарисованъ для контраста? Выводите это изъ того, что онъ все время говоритъ о чувствахъ, а очень съ ними поспѣваетъ? Но это больше игра въ чувство и чувствительность. Ракитинъ слишкомъ культивируетъ любовь, чтобы уметь любить. Онъ слишкомъ любить красоту или красоту чувствъ, чтобы ими жить. Онъ не столько чувствительнаго, сколько стоитъ въ похъ чувствительнаго. И такой врядъ ли можете быть трогательнаго.

Одинъ можетъ имъ заблуждаться, потому что Ракитинъ выдерживаетъ свою позу красиво. Другой, съ меньшей склонностью къ эстетизму, можетъ раздосадоваться. Какъ раздосадоваться я

внѣшнюю неподвижностью движеніе чувствъ. Конечно, лишь тихихъ, тихихъ и блѣдныхъ, какими можетъ жить Ракитинъ. Тогда вы увидите своеобразную игру этихъ озабоченныхъ душевныхъ движеній. И тогда они станутъ намъ пріятельными, т. е. не они, а художественная передача, вымышленная, тонкая, въ лучшемъ смыслѣ — художественная.

Я не сержусь, — въ генеральной репетиціи я только еще удалялъ слышать и красоту этой новой манеры игры. Я считала яя трудно-уловимую выразительностью и мнѣ пришлось ая тонкою проницательностью. И отъ моего впечатлѣнія двинулось, я готова была сказать: «Нѣтъ, слабо, неудачно». Но что-то удерживало отъ такого признанія. Что-то, сначала — смущеніе, смущеніе, а потомъ другое.

Когда я смотрѣла г. Станиславскаго во второй разъ, на сценѣ, — это новая манера игры уже побѣждала меня, пріобрѣтала правдоподобность, а чертъ нее — правду. И двинувшееся

Наталья Петровна, когда пришло время любить, а не восторгаться въ измѣщеніи и тонкости чувствъ. Но уловить и расстрогать это не можете. Такая нервная причина «сухости».

Есть и другая. Ее можно, если угодно, поставить на счетъ г. Станиславскому. Но горько избирать постановку на счетъ неискренности или непримиримости артиста. Г. Станиславскій сдѣлалъ сильный опытъ почти полного отреченія отъ привычныхъ выразительныхъ средствъ и пріемовъ сцены. Экономія въ жесткахъ и мимическихъ движеніяхъ до крайняго предѣла. Порожншая опущенная очень глубоко. Нужно напряженно слѣдить. Но тогда вы разглядите и почувствуете люди